

Энергетическая политика на Южном Кавказе

Севак Саруханян

На протяжении 2005–2007 гг. на территории Южного Кавказа велись работы сразу по нескольким энергетическим проектам, некоторые из которых завершены. Речь идет, прежде всего, о трубопроводах Баку–Тбилиси–Джейхан, Баку–Тбилиси–Эрзурум, Иран–Армения. Масштаб и значение этих проектов для региона действительно велики, но все же несопоставимы с масштабом политической и информационно-пропагандистской кампании, сопровождавшей весь период их реализации. Это и понятно: политические и энергетические интересы в регионе переплелись настолько тесно, что зачастую трудно определить, первые ли определяют вторые, или наоборот. В результате осуществления целого ряда энергетических проектов здесь сложился новый «многоаспектный статус-кво». Именно нарушение подобного статус-кво, вызванное распадом СССР, и привело к возникновению новой политической карты региона и к появлению на ней новых энергетических коридоров.

Начало «парада суверенитетов»

Распад Советского Союза, ускоренный, среди прочего, и межнациональными

конфликтами в Закавказье, привел к официальной независимости Армении, Азербайджана и Грузии, а неофициально — еще и Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной Осетии.

Становление независимых национальных государств в регионе проходило по-разному. Так, в Армении и Азербайджане государственное строительство быстро отошло на второй план из-за начавшейся фактической войны с соседом, а в Грузии сам процесс госстроительства способствовал дезинтеграции страны и разжиганию межнациональных конфликтов уже в пределах национального государства. К тому же события в регионе сопровождались, по меньшей мере, двумя важнейшими, можно сказать, решающими обстоятельствами: постепенным уходом России из Южного Кавказа (при неспособности реально влиять на региональные процессы) и неготовностью региональных и глобальных акторов — Ирана, Турции, США, ЕС — быстро и эффективно политически проникнуть в регион и начать определять контуры его развития. (Включение Южного Кавказа в зону национальных интересов США — явление более позднего, «зрелого» периода, а именно — второй половины 1990-х годов.)

Два этих обстоятельства позволяют охарактеризовать начало и середину 1990-х годов как период наибольшего, если не абсолютного, фактического суверенитета южнокавказских национальных республик. «Парад суверенитетов» сопровождался ухудшением социально-экономической ситуации в регионе, оттоком населения (в Армении, например, он составил около 35% от общей численности), войнами и энергетическими кризисами. Но именно на этом этапе были сформулированы национальные интересы всех трех республик. В результате последующих переворотов и частичных смен элит эти представления были скорректированы, но принципиально не переосмыслены.

Источником многих проблем, с которыми южнокавказские республики столкнулись в начале 1990-х годов, было отсутствие у национальных элит четкого понимания возможных последствий распада СССР и обретения независимости. Порой представления о будущем страны носили, мягко говоря, романтический характер. К примеру, серьезные политики периода активной борьбы за независимость утверждали, что страны могут выжить, продавая вино, коньяк или минеральную воду. Тот же романтизм присутствовал и во внешнеполитических ожиданиях. Армения сильно переоценивала мощь и влияние армянской диаспоры, а также ее стремление помочь исторической родине. Азербайджан периода правления А. Эльчибея реально рассчитывал на скорую всеобъемлющую интеграцию с сильной и влиятельной Турцией. Грузия же тогда, как, впрочем, и сегодня, явно преувеличивала возможности своей «дороги домой» — интеграции в Европу. Так или иначе, все три южнокавказских государства в начале 1990-х годов твердо решили отойти от России и не воспринимали постсоветское

пространство в качестве нового — межгосударственного и институционального — интеграционного пространства.

Самоорганизация как ключевой фактор в определении интересов

Преодоление романтизма и истинное осознание своей свободы, суверенитета, а, следовательно, и ответственности пришло не сразу. Такое понимание раньше всего оформилось в рамках традиционных социальных механизмов, так что самоорганизация на уровне социальных сетей опередила самоорганизацию на государственном уровне. Высокоорганизованные социальные сети — «кланы», объединения, землячества, родственные связи — постепенно стали заменять политические институты, пребывавшие в состоянии фактического распада. Для обществ Южного Кавказа эта ситуация в принципе привычна, так как регион столетиями существовал без реальной государственности и социальные сети зачастую выполняли здесь квазигосударственные функции. В советский период государственные институты в национальных республиках работали вполне эффективно, но в большей мере, чем в европейской части СССР, носили искусственный и надстроечный характер. После роспуска Советского Союза на фоне стремительного распада политических институтов социальные сети активизировались и институционально укрепились. Политические партии, а во многом и государство превратились в надстройку для семейных, региональных и другого рода «кланов» и объединений, которые сосредоточили в своих руках реальную власть и экономические ресурсы.

Социальные сети быстро укрепились и приобрели влияние еще и потому, что внутри национально-освободительных дви-

жений (комитет «Карабах» во главе с Л. Тер-Петросяном, партия «Мусават» во главе с А. Эльчибеем, Национальное движение во главе с З. Гамсахурдиа) отсутствовали крепкие сетевые связи и достаточный уровень доверия. В результате политические партии и объединения, образованные вокруг общей идеи, но не сумевшие выработать коллективные, сетевые механизмы целеопределения, уступили место социальным сетям с более плотной структурой, прежде всего, территориальным. В 1994 г. к власти в Азербайджане пришла политическая группировка нахичеванской социальной сети под руководством Г. Алиева. В 1998 г. в Армении разнородная по своему происхождению элита во главе с Тер-Петросяном уступила власть сравнительно однородной карабахской региональной социальной сети, возглавлявшейся Р. Кочаряном. Так называемый «клан Шеварднадзе» в Грузии отличался от соответствующих структур в Азербайджане и Армении, так как не был построен по территориальному — самому эффективному на Южном Кавказе — принципу. То, что Грузия на протяжении 1990-х годов оставалась самой дезинтегрированной страной региона, на наш взгляд, обуславливалось тем, что сетевые связи оказались здесь менее эффективными, чем в Армении и Азербайджане. Видимо, дело в том, что территории, образующие государство Грузия, экономически и географически намного более самодостаточны, чем территории, составляющие Армению и Азербайджан (прежде всего два анклава — Карабах и Нахичевань, которые и являются родиной, соответственно, карабахской и азербайджанской территориальных социальных сетей). Для достижения доминирующего положения в грузинских регионах территориальным «кланам» не нужно было добиваться особого положения

в столице — Тбилиси, который по своей политической и экономической значимости для страны не мог сравниться с Ереваном и Баку.

Преодоление раннего романтизма и определенное «приземление» национальных элит Грузии, Армении и Азербайджана в первые годы независимости во многом стали следствием тех социально-экономических проблем, которые если и не в первую, то уж точно не в последнюю очередь были вызваны серьезным ухудшением энергетической ситуации в регионе. Это касается не только Грузии и Армении, столкнувшихся с тяжелейшим энергетическим кризисом, но и Азербайджана. Многие районы этой республики лишились энергоснабжения, а экспорт нефти резко усложнился из-за войны в Чечне, проблем в отношениях с Россией, частых диверсий и криминальной ситуации в Грузии, которую разъедали вооруженные конфликты и дезинтеграционные процессы.

После достижения в 1994 г. перемирия в региональных — армяно-азербайджанском, грузино-абхазском, грузино-осетинском — конфликтах, в Баку, Ереване и Тбилиси с разным успехом и в разной очередности приступили к решению социально-экономических проблем. Одной из них и было обеспечение энергетической безопасности. Под энергетической безопасностью здесь понимается не столько состояние топливно-энергетического комплекса, сколько гарантированный доступ ко всем внутренним и внешним энергетическим ресурсам, необходимым для обеспечения стабильного энергоснабжения. Понятия и принципы, составляющие основу современного понимания энергетической безопасности в развитых странах, такие, как прозрачность, предсказуемость, надежность и стабильность энергетического

рынка, в политике Азербайджана, Грузии и Армении в начале и в середине 1990-х годов полностью отсутствовали (на том этапе проблема энергетической безопасности для всех трех южнокавказских государств выглядела практически одинаково).

В дальнейшем стремление решить проблему энергетической безопасности привело, не без помощи внешних сил, к появлению амбициозных энергетических проектов регионального и глобального значения. Эти проекты следует рассматривать уже не под углом обеспечения энергетической безопасности, а в ракурсе активной энергетической политики, направленной на завоевание Азербайджаном, Грузией и Арменией своего «места под солнцем».

Благодаря усилиям по налаживанию энергообеспечения три страны Южного Кавказа пришли к осознанию собственных энергетических интересов средне- и долгосрочного характера, которые в дальнейшем легли в основу их энергетической политики. Эти интересы были сформулированы на базе абсолютно разных принципов (см. табл. 1).

Приведенная в *таблице 1* схема региональной энергетической политики — весьма упрощенная, так как она не учитывает целый комплекс факторов субъективного характера. В принципе, у каждой из южнокавказских стран была, да и остается до сих пор, возможность выбирать из нескольких альтернативных моделей энергетической политики. Возможно, эта альтернативность была ограничена только для Армении, заблокированной Турцией и Азербайджаном и потому не имевшей широкого спектра перспективных проектов.

Но если определение собственных энергетических интересов и было делом каждого отдельно взятого государства, то их реализация требовала широкомасштабного

сотрудничества с ведущими мировыми и региональными державами, а также с транснациональными корпорациями (ТНК). Без их финансовой и иной поддержки невозможно было осуществить энергетические проекты не только крупного, но и среднего масштаба. И дело не только в том, что государства региона не могли в полной мере профинансировать разработку новых месторождений и строительство энерготранспортных сетей. Проблема изначально имела политическое измерение, так как сами энергетические интересы определялись с учетом целого комплекса политических факторов.

Стремление Грузии и Азербайджана избавиться от российского влияния, как и пророссийские и антитурецкие настроения в Армении, безусловно, играли в политике южнокавказских государств весьма важную роль. Но это, опять-таки, больше относится к «романтическому» периоду политической истории региона. Позднее элиты осознали, что региональные процессы тесно взаимосвязаны и что ни одна страна не может существовать в качестве «островного» государства и развиваться вне зависимости от наличия или отсутствия общей границы и товарооборота с Россией, Ираном или Турцией. Однако осознание этой взаимозависимости, нормализация и определенная стандартизация отношений Азербайджан–Россия, Азербайджан–Иран, Грузия–Россия, а также тенденции, говорящие о возможности открытия армяно-турецкой границы, так и не привели к переосмыслению энергетических интересов стран Южного Кавказа. Почему же этого не произошло?

Причина, на наш взгляд, кроется в том, что, в отличие от экономических, политических, научных и военно-стратегических интересов, энергетические интересы были «застолблены» в ранний период независимости. Благодаря особой заинтересован-

Таблица 1. Принципы энергетической политики государств Южного Кавказа

Принципы	Азербайджан	Грузия	Армения
Основной интерес	Получение выхода на мировой рынок нефти и газа в обход России и Ирана, привлечение значительных иностранных инвестиций в нефтегазовый комплекс	Превращение в важнейшую транзитную страну, использование географического положения в качестве фактора экономического процветания	Стабильные поставки энергоресурсов, развитие собственных генерирующих мощностей
Обоснованность	Наличие значительных ресурсов нефти и газа, географическая близость к богатым ресурсам Туркменистана и Казахстана, наличие Турции в качестве важного регионального партнера	Географическая близость к энергоресурсам Каспийского бассейна и Центральной Азии, монопольное положение главного транзитера каспийских нефти и газа на Запад в свете проблем с Россией, Ираном и наличием закрытой армяно-азербайджанской границы	Отсутствие собственных энергоресурсов, закрытость границы с Азербайджаном и Турцией, зависимость от транзитной политики Грузии, безальтернативность иранского газа как энергоресурса
Сотрудничество	Основные партнеры — США, Турция, Грузия, западные компании (с 2004 г. еще и Иран)	Основные партнеры — США, Турция, Азербайджан, западные компании	Основные партнеры — Россия и Иран
Степень реализации	Основные цели достигнуты: введены в строй два трубопровода — Баку–Джейхан и Баку–Эрзурум, иностранные инвестиции в экономику превысили 7 млрд. долл.	Основные цели не достигнуты из-за незначительности доходов, получаемых от транзита, а также сохранения зависимости от поставок газа из России	Основные цели достигнуты частично: перезапущена АЭС, однако ресурс ее эксплуатации выработается через несколько лет; построен газопровод из Ирана, но он недостаточен для обеспечения потребности республики; страна продолжает зависеть от поставок российского газа через территорию Грузии

ности и участию ведущих региональных и мировых держав эти интересы вызрели и рационализировались через заключение крупных контрактов и соглашений намного раньше, чем были осмыслены национальные интересы широкого плана. Примечательно, что ни в одной другой отрасли сотрудничество с иностранными государствами не было так четко регламентировано и институционализировано, как в энергетической. Одновременно энергетический сектор стал привлекательной сферой для высокоорганизованных социальных сетей. Контракты, подписанные в начале и в середине 1990-х годов, в некотором смысле задали контуры эволюции интересов этих сетей, установивших контроль над не имеющей аналогов по доходности энергетической отраслью.

Таким образом, именно развитие энергетического сектора сильнее всего повлияло на определение как национальных интересов государств региона, так и интересов наиболее организованных социальных сетей. Подобное совпадение интересов государства и антигосударственных по своей сути образований было бы немислимо ни в одной другой отрасли. Отсюда уникальная роль энергетики во внутривластных процессах южнокавказских стран, в том числе в самой важной их части — в государственном строительстве.

Интересы иностранных государств на Южном Кавказе

Выше мы упоминали о заинтересованности ведущих региональных и мировых держав в реализации энергетических проектов на Южном Кавказе. Степень этой заинтересованности, влияние того или иного государства, его способность подкрепить свои интересы финансовой и политической поддержкой проекта во

многом и определяли возможность его реализации. Сегодня ключевым внешним фактором, влияющим на развитие энергетических инфраструктур в регионе, является политика США. Руководитель отдела исследований проблем международной и энергетической безопасности Центра Никсона З. Баран (как и многие другие авторы) утверждает, что никакая внешняя поддержка не могла бы стать основой реализации энергетических проектов в регионе Каспия и Южного Кавказа, если бы эти проекты не были выгодны самим региональным государствам [Baran 2005]. Однако российские специалисты на протяжении уже почти полутора десятилетий опровергают подобные утверждения. В многочисленных публикациях и интервью они говорят об экономической нецелесообразности строительства трубопроводов Баку–Тбилиси–Джейхан, Баку–Тбилиси–Эрзурум, а отчасти и газопровода Иран–Армения (последний перестали критиковать после того, как диаметр трубы под давлением российской стороны был уменьшен). В качестве основной причины реализации данных проектов российские авторы указывают стремление США вытеснить Россию с энергетического рынка региона Каспия и Центральной Азии, лишить ее инструментов влияния на Южном Кавказе. Но эти, пусть и весомые, аргументы отражают лишь одну сторону дела, игнорируя сложность тех политических и экономических процессов, свидетелями которых мы являемся в течение, как минимум, последних 15 лет. Ведь политическая заинтересованность Соединенных Штатов или любой другой страны сама по себе, действительно, не могла бы служить достаточной причиной тех трансформаций, которые претерпел регион, если бы она не совпала с ожиданиями и политико-эконо-

мической идеологией групп, оказавшихся у руля власти в Азербайджане, Грузии, Армении. Но об этом чуть ниже.

Для начала же следует очертить контуры интересов ведущих мировых держав, которые с развалом СССР стали активно добиваться укрепления (США) или сохранения (Россия) своих позиций в регионе Южного Кавказа.

Россия на Южном Кавказе: «замораживание» ситуации

С начала 1990-х годов Россия взяла курс на «замораживание» региональных процессов на Южном Кавказе, не имея возможности изменить их характер. В определенном смысле это было продолжением политики Москвы последних лет существования СССР. Политика «замораживания» касалась не только сугубо политических процессов — она охватывала весь спектр трансформаций в регионе: межгосударственные и международные конфликты, энергетические и транспортные связи и т.д. «Заморозить», чтобы впоследствии, когда будут осознаны собственные цели и интересы в регионе, начать более активную и целеустремленную политику, — именно этот подход, по всей видимости, лежал в основе региональной политики России на южнокавказском направлении. Не случайно союзниками России в регионе стали акторы, которым «замораживание» сулило выгоды, прежде всего те, кто в результате трансформаций и войн начала 1990-х годов получил военно-стратегические преимущества. Соглашения о перемирии в зонах нагорно-карабахского, грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов, подписанные в 1994 г., зафиксировали фактическую победу Армении и Нагорного Карабаха над Азербайджаном, Абхазии и Южной

Осетии над Грузией. Эти победы и должна была «заморозить» Россия, что во многом способствовало превращению Армении, Абхазии и Южной Осетии в ее региональных союзников. По-иному обстояло дело с Грузией и Азербайджаном: они активно выступили за изменение сложившегося в 1994–1995 гг. статус-кво, который зафиксировал фактическую потерю этими странами значительных территорий.

Энергетическая сфера на удивление точно отразила военно-политические трансформации, произошедшие на Южном Кавказе. Грузия и Азербайджан были наиболее заинтересованы в разрушении устоявшихся за годы советской власти инфраструктур хозяйственно-экономических связей, завязанных в основном на Россию и ее экономику, то есть в изменении всей системы энергетических взаимоотношений в регионе. Разрушение такого рода отвечало также интересам социальных сетей, которые с распадом СССР осознали привлекательность контроля над энергетическим сектором. Одним из условий получения этого контроля была его «суверенизация». Последняя предполагала не столько приватизацию (контроль легко достигается и над государственными предприятиями), сколько разрыв инфраструктурно-сырьевых связей с Россией (трубопроводы, железнодорожные перевозки, поставки российского газа и т.д.), которые ограничивали самостоятельность энергетического сектора страны и эффективность контроля над ним.

Таким образом, энергетическое размежевание с Россией было выгодно одновременно и «романтически» настроенным элитам (З. Гамсахурдия, А. Эльчибей, Л. Тер-Петросян в первые годы своего правления), видевшим в нем необходимое условие полной суверенизации своих стран, и социальным группам, которые благодаря установ-

лению контроля над энергоресурсами и энергетическими потоками со временем фактически превратились в экономическую элиту закавказских государств.

Каждое из государств, безусловно, имело свои особенности. Иначе и быть не могло: приоритетными направлениями их энергетической политики были абсолютно разные виды деятельности: в Азербайджане — добыча и экспорт, в Грузии — транспортировка и транзит, в Армении — импорт энергетического сырья, его переработка и продажа.

В Азербайджане энергетический сектор стал сферой, которая наряду с политическими институтами сформировала новую систему государственного управления. В течение нескольких лет вице-президентом Государственной нефтяной компании Азербайджанской республики (ГНКАР) и ее фактическим руководителем был И. Алиев, а президентом Азербайджана — Г. Алиев. После избрания И. Алиева на пост президента многие члены его команды перекочевали из ГНКАР в правительство. В небогатой энергоресурсами Армении так называемый «президентский клан» установил монополию на импорт бензина, дизельного топлива, керосина, мазута. Причем смена главы государства в 1998 г. привела к радикальному изменению состава ведущих импортеров и продавцов энергоресурсов в пользу «карабахского клана» — опоры новой власти. В Грузии зять бывшего президента Э. Шеварднадзе стал фактическим управляющим проекта строительства грузинского участка нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан, бывший президент Аджарии контролировал отгрузку нефтепродуктов из порта Батуми и т.д.

Как это ни парадоксально, такие высокоорганизованные сети, как «клары», заменили в качестве управляющего

энергетической отраслью неэффективное в новых условиях государство, которое фактически погубило многие другие отрасли экономики южнокавказских стран, например, сельское хозяйство, здравоохранение, образование.

Возвращаясь к утверждению З. Барана о выгодности новых проектов для стран региона, можно констатировать, что их реализация отвечала интересам лишь узкого круга представителей южнокавказских обществ.

США на Южном Кавказе: разрушение связей

Вопрос об интересах США в период суверенизации региона достаточно важен, учитывая, что Вашингтон стал основной силой, поддерживающей реализацию новых энергетических проектов. Для оценки интересов и целей Соединенных Штатов обратимся к аналитическим работам начала и середины 1990-х годов, опубликованным, в частности, в созданном в то время журнале «Кэспиан Кроссродс» («Caspian Crossroads»). В своих статьях американские и южнокавказские эксперты настаивали на необходимости разрушения устоявшихся в советский период инфраструктурно-сырьевых связей в энергетической отрасли, обосновывая эту необходимость так:

- невозможно достичь истинной суверенизации Армении, Грузии и Азербайджана при сохранении особой роли России в качестве ведущего экспортера и импортера энергоресурсов региона;
- новые, альтернативные энергетические проекты могут послужить основой для интеграции стран Южного Кавказа в мировую экономику и политическую систему;

- «трубы мира» (Баку–Джейхан, Баку–Эрзурум) будут способствовать установлению в регионе мира, построенного на взаимозаинтересованности и взаимозависимости всех его стран.

Именно так на страницах «Кэспиан Кроссроудс» в 1995 г. оценил роль новых энергетических проектов М. Саакашвили, в то время председатель комиссии по правам человека грузинского парламента [Saakashvili 1995].

Можно ли считать приведенные выше аргументы сугубо декларативными? На наш взгляд, это справедливо, главным образом, в отношении последнего утверждения, пропагандой которого занимались преимущественно местные специалисты и неправительственные организации. Суверенизация стран Южного Кавказа, безусловно, отвечала интересам США, так как само понятие «суверенизация» в начале и в середине 1990-х годов подразумевало уход России из региона, представлявшего собой важную энергетическую периферию для одного из основных мировых центров потребления энергоресурсов — Западной Европы, и для базовых центров их производства — Персидского залива, Каспия и России. (Россия играет роль ключевого энергетического фактора в Кавказско-Черноморском и Каспийском регионах благодаря наличию порта Новороссийск — крупнейшего транспортно-го узла, через который на мировые рынки экспортируется казахстанская нефть, поступающая по нефтепроводу Каспийского трубопроводного консорциума. С этой точки зрения, Южный Кавказ может считаться такой же энергетической периферией России, как и Запада и Персидского залива.)

«Ключевым» вопросом реализации новых энергетических проектов в регионе, по признанию эксперта американского фон-

да «Наследие» А. Козна, был вопрос о позиции России — будет ли она контролировать производство и экспорт евразийской нефти или же станет равным и честным игроком наряду с Турцией, тремя южнокавказскими странами, а в будущем, возможно, и Ираном [Cohen 1996]. К «уравниванию» роли России и должны были привести новые энергетические проекты, осуществление которых без участия США представлялось невозможным.

Бывший руководитель Агентства национальной безопасности США генерал В. Одом в статье «Политика США в отношении Центральной Азии и Южного Кавказа» обосновывал активное участие американцев в региональных делах необходимостью выведения стран этих регионов из-под российского влияния. Лишение России пространства для ведения империалистической политики, по мнению генерала, должно было не только помочь процессу государственного строительства в упомянутых регионах, но и спасти демократию в самой России [Odom 1997]. Наилучшим средством для решения этих задач ему представлялась именно реализация новых энергетических проектов.

Если отвлечься от весьма незамысловатых пропагандистских идей и схем, можно понять то главное, что связывало американскую энергетическую и региональную политику с интересами политических элит и наиболее продвинутых социальных сетей в странах региона. Это — уход России, обеспечиваемый, помимо прочего, полным разрушением сложившихся инфраструктурно-сырьевых связей в энергетической отрасли. Важным условием разрушения этих связей стало финансовое и политическое участие США.

Порой разрушение инфраструктурно-сырьевых связей приобретало формы обычного разграбления предприятий и мощ-

ностей. Это было объективным следствием катаклизмов, пережитых регионом в начале 1990-х годов, когда в конкурентной борьбе верх одерживали структуры, озабоченные лишь получением максимальной сиюминутной выгоды. Восприятие энергетики как перспективной сферы для долгосрочного бизнеса появилось в основном после того, как первичные доходы были выкачаны варварскими методами, и поддерживать доходность сектора без крупных проектов и иностранных инвестиций стало невозможно.

Первичное накопление капитала и разрушение инфраструктурно-сырьевых связей отвечали также интересам новых игроков, в том числе нефтяных компаний, которые стремились укрепить свои позиции в регионе. С одной стороны, «расчищалось» пространство для инвестиций и энергетических проектов, а с другой — закладывались предпосылки для появления местных бизнес-элит, доходы которых не были завязаны на сотрудничество с Россией. И России, в свою очередь, был выгоден фактический распад энергетического сектора Армении, поскольку она выступила в этой стране (так же, как США в Грузии и Азербайджане) локомотивом реализации новых проектов, которые на практике оказались реанимацией старых советских мощностей: (пере)запуск армянской АЭС в 1996 г., строительство (достройка) пятого крупного энергоблока Разданской ТЭС и т.д. В данном случае можно утверждать, что восстановленные при участии российской стороны инфраструктурно-сырьевые связи в энергетической отрасли Армении во многом и определили зависимость ее экономики от России.

Итак, нынешняя энергетическая карта региона Южного Кавказа возникла в результате совпадения интересов нескольких уровней:

- государственного — интересы правящих политических элит;
- надгосударственного и/или транснационального — интересы США, Западной Европы, России (в случае с Арменией), а также крупнейших международных нефтяных компаний;
- внутригосударственного — интересы отдельных групп, стремящихся к контролю над самыми доходными отраслями экономики южнокавказских стран.

Интересы наиболее продвинутых социальных сетей и интересы надгосударственного характера в значительной мере и определили национальные интересы южнокавказских стран в энергетической отрасли. Именно поэтому энергетические интересы, сформулированные в начале и в середине 1990-х годов, оказались долгосрочными и не подвергались пересмотру. Энергетика стала определять ресурсную базу тех социальных групп, которые находились на переднем крае сначала общественного развития, а затем и политического процесса. Сегодня представители энергетических компаний, а также лица и группы, занимающиеся крупным бизнесом в области энергетики, — неотъемлемая часть правящих политических партий Азербайджана, Грузии и Армении. И дело не в том, что партии сознательно стремятся рекрутировать бизнесменов в свои ряды. Это — объективное следствие трансформаций начала и середины 1990-х годов, в которых энергетическая составляющая занимала центральное место.

Энергетика как сфера притяжения социальных сетей

Южный Кавказ расположен довольно далеко от «ворот в глобальный мир» — тех

центров экономико-хозяйственной и иной деятельности, которые определяют характер развития современного мира. В советское время наличие социалистического лагеря и сравнительно схожий уровень развития столиц национальных республик сглаживали эту периферийность, так как для большей части населения мировое экономическое, политическое и культурное пространство в реальности ограничивалось границами бывшего СССР. Развал социалистического лагеря и Советского Союза, появление границ между бывшими республиками, разрушение сетевых связей сделали эту периферийность наглядной и ощутимой. Начался отток населения в крупные города европейской части России, прежде всего в Москву и Санкт-Петербург*, которые для выходцев из стран Южного Кавказа превратились в «ворота в глобальный мир» [см. подробнее: Сергеев и др. 2007: 31–41]. Для одних социальных сетей эти «ворота» были категорией культурной и общественной, для других — сугубо экономической и финансовой.

Что касается самих стран Южного Кавказа, то практически сразу стало ясно, что только энергетика может дать им возможность сравнительно удачно приобщиться к глобальным процессам. Возможно, именно поэтому в энергетический сектор устремились и доминирующие «локально-региональные кланы», и наиболее конкурен-

тоспособные и высокоорганизованные (по национальным и международным стандартам) социальные сети**. Благодаря этому энергетическая отрасль постепенно превращается в ту сферу народного хозяйства, которая способна сильнее всего влиять на политическое, экономическое и даже культурное развитие южнокавказских стран. По мере стабилизации ситуации в регионе ее значение будет только возрастать. Высокая заработная плата при большой численности занятых, взаимодействие с ведущими зарубежными компаниями и иностранными государствами, частые командировки и выгодные социальные пакеты, образовательные программы и хорошие контакты — все это будет все сильнее притягивать в данный сектор профессиональные и амбициозные социальные сети. Вряд ли можно найти другую такую отрасль в реальном секторе экономики стран Южного Кавказа. Сфера высоких технологий является привлекательной по доходам и возможностям, но она узкоспециальна, и в ней занято несравнимо меньше людей.

Таким образом, влияние зарубежных государств на энергетический сектор южнокавказских стран — важнейший ресурс изменения политической и культурно-цивилизационной ориентации их социальных сетей, как занимающих господствующие политические и экономические позиции, так и наиболее платежеспособных и конкурен-

* После распада британской и французской колониальных держав такими же центрами притяжения лояльных и отчасти ассимилированных этнических социальных сетей бывших колоний были Лондон и Париж. — *Прим. авт.*

** В энергетическом секторе стран Южного Кавказа сегодня довольно мирно сосуществуют представители политических и экономических «кланов», высокопрофессиональные специалисты технических наук, экономисты, специалисты по логистике и планированию, строители, юристы и др. Ни в одной другой сфере народного хозяйства такой плотной концентрации представителей разных социальных групп не наблюдается. — *Прим. авт.*

тоспособных. В ситуации более или менее стабильного и линейного развития состояние дел на энергетической карте региона будет все больше и больше определять контуры его политической и экономической карт. И влияние на эти карты того или иного внешнего актора будет опосредованно выводиться из его роли в энергетическом секторе каждого конкретного государства. При этом следует отметить, что приток иностранного капитала и специалистов в энергетический сектор стран Южного Кавказа имел, возможно, решающее значение в формировании общего климата доверия в отрасли. А это дает важный импульс ее дальнейшему развитию и еще сильнее притягивает к ней социальные сети.

Энергетика — основа и ограничитель суверенитета

Все сказанное выше заставляет по-новому осмыслить роль энергетической политики в судьбе национальных государств Южного Кавказа. Став одной из основ государственного строительства, независимая энергетическая политика превратилась в важнейший фактор утверждения государственного суверенитета и первоначального накопления капитала. Энергетика в большей степени, нежели любая другая отрасль, начала притягивать иностранные инвестиции. В то же время сама энергетическая инфраструктура региона претерпела такие революционные изменения, какие нельзя наблюдать ни в одной другой сфере, включая политику, оборону, образование, науку, здравоохранение и т.д. Изменились структура импорта (газопроводы Иран–Армения, Азербайджан–Грузия) и экспорта (трубопроводы Баку–Тбилиси–Джейхан, Баку–Супса, Баку–Тбилиси–Эрзурум) энергоносителей, рынки их сбыта (вместо быв-

шего СССР — Турция, Израиль, Западная Европа), культура управления (специалисты с западным образованием, иностранные менеджеры) и т.д. В регионе фактически появился абсолютно новый энергетический сектор — конкурентоспособный и притягательный. Энергетику, таким образом, можно признать самой состоявшейся сферой народного хозяйства стран региона. Но способствует ли это положение и роль энергетики государственному строительству, которое еще не завершено?

Влияние энергетического сектора на экономику, внутреннюю и внешнюю политику южнокавказских стран осложнило и деформировало как их «вхождение в мир», так и процессы государственного строительства. На это «работают» и фактически монопольное положение западных энергетических компаний в Грузии и Азербайджане и российских компаний в Армении, и засилье в энергетических отраслях представителей «кланов», и слияние крупного бизнеса с политическими институтами. Превращение конъюнктурного и коррумпированного энергетического сектора в основные «ворота в глобальную экономику» для стран Южного Кавказа не прибавляет стабильности и надежности их «вхождению в мир». В свое время энергетика выступила одной из необходимых основ суверенизации региона, но она же заложила и естественные ограничители этого суверенитета. Тем самым «парад суверенитетов» в регионе, во многом простимулированный энергетическим фактором, завершился фактическим переделом данной сферы внешними акторами, поддерживающими и финансирующими разрушение старой и создание новой системы инфраструктурно-сырьевых связей, новыми национальными элитами и обеспечивающими им поддержку социальными сетями.

п р и м е ч а н и я

Сергеев В.М., Кузьмин А.С., Алексеенкова Е.С., Казанцев А.А. 2007. Москва и Санкт-Петербург как центры притяжения социальных сетей // «Полис», № 2.

Baran Z. 2005. Energy Supplies in Eurasia and Implications for US Energy Security // The

United States Senate Foreign Relations Committee, Subcommittee on International Economic Policy, Export and Trade Promotion. 27.09: <http://www.senate.gov/>

Cohen A. 1996. The «New Great Game»: Pipeline Politics in Eurasia // «Caspian Crossroads», vol. 2, № 1, Spring-Summer.

Odom W. 1997. US Policy Toward Central Asia and the South Caucasus // «Caspian Crossroads», vol. 3, № 1, Summer.

Saakashvili M. 1995. Growing Attraction of the Georgian Alternative // «Caspian Crossroads», № 1, Winter.